

Врата в Идемун.
Книга 1. Благословение



Дестеара

18+

Дестеара

**Врата в Идемун. Книга
1. Благословение**

«Автор»

2026

Дестеара

Врата в Идемун. Книга 1. Благословение / Дестеара — «Автор», 2026

Две сестры-близнецы погибают — и вместо перерождения получают шанс, который выпадает раз в пятьсот лет. Их забирают в Нижние Слои — мир парящих островов, живых дворцов и древних богов. Одну — к строгому и безупречному Верховному младшему богу Донхону. Вторую — к обаятельному, опасному и коварному Минхо, богу хитрости и обмана. Здесь им предстоит стать Избранными, учиться силе, которой не владеют смертные, и постепенно понимать: каждое прикосновение бога оставляет след. А Идемун — легендарный рай, о котором мечтает каждая душа, — требует платы, о которой никто не говорит вслух. Тёмное корейское фэнтези о сестринской любви, цене силы и богах, которые тоже умеют желать, ошибаться и падать. От автора: В книге присутствуют эротические сцены. Они не являются сюжетообразующими и служат исключительно для глубокого раскрытия любовных линий и эмоциональных отношений между персонажами. Главный акцент — на детально проработанных героях, мире и сюжете.

© Дестеара, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Джию. Эпитафия.	6
Глава 2. Соён. Жребий.	10
Глава 3. Донхон.	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Дестеара

Врата в Идемун. Книга 1. Благословение

Предисловие

Перед вами — история, рождённая на стыке фантазии и вдохновения, которое я черпал в образах и мотивах, связанных с Кореей. Однако хочу сразу обратить ваше внимание: эта книга не является достоверным изложением корейского быта, традиций или мифологии. Все персонажи, события и детали мира — плод художественного переосмысления, а не попытка реконструкции исторических или этнографических реалий.

Я позволил себе свободно обращаться с образами, символами и сюжетами, чтобы создать собственную вселенную, в которой восточные мотивы переплетаются с фантазией. Если вы встретите знакомые имена, легенды или обычаи, помните: они здесь живут по законам художественного вымысла и могут отличаться от своих исторических прототипов.

Пусть эта история станет для вас путешествием в мир, где главное — не точность деталей, а атмосфера, эмоции и приключения. Надеюсь, она подарит вам новые впечатления и заставит задуматься о вечных темах, которые волнуют людей вне зависимости от времени и места.

С уважением,
Дестеара.

P.S. Вся информация по миру (анкеты персонажей, расы, лор-истории, бестиарий и т.д.) можно найти по этой ссылке: <https://vk.com/@fantaziariym-ankety-personazhei>

Глава 1. Джию. Эпитафия.

Мир накреняется.

Падаю назад, в пустоту. Нет стекла, нет перил только открытое ночное небо и мгновенное ощущение, что земля исчезла под ногами.

Ветер сразу бьёт в лицо, задирает подол платья, вырывает воздух из лёгких. Лечу спиной вниз. Сначала вижу, как крыша отдаляется: силуэт стоит там, неподвижный, чуть наклонив голову. Он не отводит взгляд. Не протягивает руку. Просто смотрит, как я падаю.

Потом тело переворачивается медленно, неуправляемо. Теперь лицом вниз.

Город несётся навстречу. Слишком быстро. Огни сливаются в белые и красные полосы. Вижу крыши, балконы, антенны, мокрый асфальт внизу чёрный, блестящий, с лужами, в которых отражаются неоновые вывески.

Пытаюсь закричать но ветер забивает рот, душит. Горло сжимается. В ушах только рёв воздуха и мой собственный пульс, который бьёт в виски.

Последние метры.

Думаю о Соён. О том, что я пришла сюда, чтобы найти правду. Чтобы остановить это. А вместо этого стала следующей.

Нет времени на слёзы. Нет времени даже на страх только на странное, почти равнодушное понимание: это конец.

Асфальт уже здесь.

Он неумолимый. Твёрдый. Реальный.

Удар резкий, всепоглощающий. Как будто весь мир сжался в одну болезненную точку.

А потом тишина.

Полная.

Без эха.

Без имени.

Без ничего.

Вдох Нет, дышать невозможно.

Воздуха катастрофически не хватает.

—Тише... —шепчет чей-то знакомый тихий голос. —Успокойся, дышать не обязательно.

Медленно открываю глаза. Темнота вокруг.

—Сейчас ты привыкнешь, —повторяет тот же голос, и теплые ладони нежно касаются моих волос и плеч.

—Соён? —удивляюсь внезапно возникшему имени. —Соён это ты? Ты?!

Зрение возвращается ко мне и я вижу ее очень близко. Она улыбается. На лице нет косметики, глаза не подведены чёрным карандашом, как она любила раньше.

Радость встречи затуманивает взгляд. Она здесь так близко. Затем я оглядываюсь. Вижу исполинские врата, которые уходят далеко в небо.

Небо? Есть ли оно здесь?

От врат исходит тусклый свет. Он не слепит, а обволакивает, как будто обнимает. Он манит и обещает покой. У основания врат вижу очертания людских фигур, подобно муравьям они столпились у врат и чего-то ждут. На нас всех надеты сорочки в пол с длинными рукавами.

—Соён, мы... —начинаю, но замолкаю.

—Да, —тихо отвечает сестра на незаданный вопрос.

—А это? —смотрю на врата.

—Чистилище.

Снова защипало в глазах. Крепче вцепилась в руку сестры, будто это могло удержать нас вместе.

Соён прижала меня к себе точно так же, как когда-то, когда я падала с велосипеда или теряла любимую игрушку. Её ладони были тёплыми, знакомыми, и от этого становилось ещё больнее.

—Я не хочу, —шепчу. —Я только тебя снова обрела.

—Знаю, —тихо отвечает она, и голос её дрожит. Мы стояли, обнявшись, в последнем отчаянном объятии, понимая, что дальше только разлука.

—Мы можем не идти?

—Можем

—И тогда мы навечно останемся тут?

—Да.

—А в Чистилище?

—Мы пройдем свой путь искупления, а затем станем душами и забудем нашу последнюю жизнь, точнее она станет одной из множества наших жизней.

—И мы забудем друг друга?

—Да.

—Я не хочу... я только снова тебя обрела.

Это странно. Но я не помню боли от падения. И мне не страшно, лишь обидно от того, что я умерла. Я рада видеть сестру, быть с ней тут, в этом странном месте.

—Оставаться опасно, —шепчет сестра, всё также обнимая меня и глядя по спине. Она указывает в темноту за нашими спинами. —Те души они уже почти не видят свет.

Всматриваюсь. В сумраке двигаются смутные силуэты потерянные, слепые, навсегда застрявшие между мирами.

—Ты же здесь уже больше года, —шепчу, холодея.

Соён не отвечает сразу. Только крепче сжимает мою ладонь:

—Я едва различаю врата. Ещё немного и я бы тоже...

—А я? Как ты нашла меня?

—Ты звала меня, я пришла на твой зов.

—Соён...

—Тише... Я знаю.

Слёзы всё-таки прорываются. Не ручьями тихо, горько, без всхлипов. Мы обе плачем молча, прижавшись лбами друг к другу, словно пытаемся запомнить это тепло перед тем, как его отнимут навсегда. Но оставаться здесь значит всё равно потерять её и обречь нас на вечные скитания во мраке.

Будем ли мы чувствовать друг друга? Не сойдем ли мы с ума?

Соён первой делает шаг к вратам. Чем ближе мы подходим, тем выше мне приходится задирать голову, чтобы увидеть, где они заканчиваются. Но конца я так и не могу разглядеть. Врата уходят во тьму, а свет что клубится из них обещает тепло материнской ласки, трепет первого поцелуя, поддерживающие отцовские объятия. Обман ли это?

У основания врат толпятся люди. Они медленно идут, постепенно исчезая в клубах света. Вглядываюсь в их лица боясь и одновременно желая встретить знакомые черты. Кажется тогда происходящее станет более реальным, правильным, понятным, не таким пугающим, потому что не только я, Соён и чужие восковые лица идём в неизвестность, туда идут все, кого мы знаем. Значит, возможно, мы всё таки встретимся

Мы приближаемся почти вплотную к источнику мерцающего света. Всего один шаг отделяет нас от слияния с ним. Направляя последний взгляд на сестру, я улавливаю в её глазах отражение собственного отчаяния. Грустная улыбка появляется на её губах, и одна крупная слезинка медленно скатывается по бледному лицу.

Ощущаю, как собственные слёзы текут ручейками по моим щекам, смешиваясь с солью горечи прощания. Обхватывая ладонь сестры крепче, осознавая неизбежность момента, я делаю решительный шаг вперёд. Ещё шаг...

Пространство озаряется яркими красными всполохами молний. Вся процессия застывает на месте. Путь во врата преграждает величественная фигура мужчины. Его сила и решимость читаются в каждом движении тела. Темные, слегка растрепанные волосы падают на лоб, как будто продолжение его неугомонной энергии. Но особенно поражают глаза - они горят ярким, золотистым огнем, отражая внутреннюю силу и страсть, кипящую внутри него.

Его тело дышит мощью, кажется, будто каждая клетка готова к бою, к преодолению любых преград. Но самое удивительное в атмосфере, окружавшей его. Молнии, прорезающие небо позади, кажутся продолжением его сущности, словно само пространство откликается на его присутствие. Эти вспышки света и энергии подчеркивают его связь с чем-то большим, чем обычная человеческая жизнь. Они намекают на тайну, скрытую в его существе, на способность влиять на мир вокруг себя.

Этот мужчина не походит ни на простого героя, ни на обычного смертного. Здесь стоит настоящий бог, балансирующий на грани двух миров, готовый бросить вызов судьбе и перевернуть течение времен. Это понимание отчётливо проникло в моё сознание.

—Возрадуйтесь! Ибо сегодня выпал вам жребий великий, —голос божества наполнял собой всё пространство, проникая глубоко внутрь каждой клетки моего существа. Эхо его слов раздалось в голове каждого присутствующего, заставляя сердца биться чаще и кровь быстрее бежать по венам. —Минуло ровно пятьсот лет, и настал священный День Великого Благословения. В этот миг двадцать две избранные души восстанут пред очами богов, дабы вершить служение своё ко благу всего сущего в мире видимом и незримом. И лишь наиболее добродетельным будут отверсты врата небесные, ведущие в райские чертоги Идемун.

Среди душ началось волнения, перешептывания зазвучат повсюду:

—Что означает его появление?

—Настал День Великого Благословения?

—Открывается дорога в Идемун?

Вопросы множатся, нарастая в воздухе тревожно-громким гулом, но никто не может дать ясного ответа.

—Растерянность вижу в очах ваших, —из света врат является женщина.

Она стоит величественно, словно воплощение самой справедливости и мудрости. Длинные каштановые локоны ниспадают волнами, окутывая плечи и спину, словно живой шелковый водопад. Ее лицо спокойно и невозмутимо, несмотря на золотую повязку, скрывающую глаза знак того, что она судит без предвзятости, полагаясь лишь на внутренний свет истины. То, что она была судьей и видела всех насквозь, я не сомневалась ни секунды.

В левой руке она держит древнюю книгу. Правая рука бережно поддерживает золотые весы правосудия. Она кажется символом порядка среди хаоса, светом в темноте, судьей, чей приговор определялся не страстями, а истиной. Ее облик внушает уважение и трепет, заставляя каждого, кто видел ее, задуматься о собственной судьбе и ответственности перед миром:

—Возмездие, —обращается женщина к божеству. —Вновь спешишь нетерпеливо, повинаясь велению пылкого нрава своего. Любезный супруг мой, поведаем чадам нашим, сколь знаменателен и велик день нынешний, —при этих словах богини суровый лик мужчины искажается загадочной ухмылкой.

—Карма, ведомо тебе, что дети сии суть порождения самой Жизни, её творенья, не наше достояние, —при этих словах Возмездия уже губы богини искажает едва заметная гримаса.

—Доколе препираемся мы? —обрывает спор Карма. —Пора прекратить разногласия и явить отпрыскам смысл торжественного дня сего.

Пространство оживает образами, рождёнными прямо в наших умах. Голос Кармы звучит внутри каждой души:

Из первозданной пустоты возникла Великая Матерь наша. Испытав скорбь вечного одиночества, Она вдохнула жизнь в бескрайнюю Вселенную. Сотворила Она шестерых Старших богов, дабы блюли они равновесие во всех пределах мироздания. А после, возлюбив чад своих превыше меры, одарила их способностью любить. От союза тех первородных родились Младшие божества, коим надлежит наставлять смертных.

*Увидела Матерь, что рай небесный Идемун остаётся пустынным, ибо редки души, способные полностью очиститься. И повелела Она каждые пятьсот лет выбирать двадцать две избранные души. Им предстоит служить младшим богам, дабы сердца их очистились служением и справедливостью. Те же, кто пройдёт путь достойно, войдут в Идемун и **останутся там навечно** без новых воплощений и новых земных страданий.*

Голос стихает. Образы таяти. Передо мной вновь вырастают две монументальные фигуры богов. Чувствую, что их образы знакомы, точно встречала раньше... Где-то внутри звучит глухой звон воспоминаний: Карма неумолимый закон, где каждый поступок тянет за собой цепочку последствий. Было ли это вмешательство самой богини? И когда мы бросаем призыв к жизни, способна услышать нас сама Жизнь?

—Что ж, — прерывает мои размышления громогласный голос Возмездия. — Настало урочное мгновение, когда предстоит бросить Жребий (*магический артефакт, созданный Матерью и обладающий своими мотивами*) и определить судьбу грядущих избранных.

Избранные попадут к богам, а затем в рай - это значит, что я никогда не увижу Соён, если её или меня выберут? Наши души уже больше никогда не встретятся? Нет я не хочу чёрту высшее благо! Где оно было, когда её истезали? Где оно было, когда меня скинули с крыши?

Взгляд на сестру открывает мне её глаза, наполненные точно таким же ужасом. Её пальцы сильнее сдавливают мою ладонь, словно пытаюсь удержать нас вместе вопреки воле богов, защититься от грядущей разлуки.

—Исполнен назначенный срок, возлюбленные чада мои, — улыбается Карма. — Жребий брошен.

Что произойдёт дальше? Озарит ли нас сияние? Взметнёмся ли мы над остальными? По каким знакам определить избранных?

Окружающая толпа, кажется, ищет признаки божественного выбора столь же внимательно, как и я. Мой взгляд находит сестру. Широкая улыбка охватывает моё лицо: её не унесли, она остаётся рядом, не выделенная блеском высших сил. Значит, у нас остаётся надежда встретиться вновь. Каждую последующую жизнь я буду искать её. И найду. Я уверена в этом.

Затем мир вновь погружается в глубокую, абсолютную тьму.

Глава 2. Соён. Жребий.

Осторожно открываю глаза, чувствуя, как первые лучи солнца ласково касаются моих щёк. Сердце бьётся быстрее, когда осознаю, что комната вокруг выглядит совсем чужой.

Медленно приподнимаюсь, но потом заставляю себя выпрямить плечи. Хватит осторожноничать. Покрывало, украшенное причудливым рисунком, напоминающим весенний сад, падает на пол. Встаю с кровати и делаю решительный шаг по ковру, вытканному узорами, похожими на карту неведомого мира. Комната дышит теплом и древним спокойствием. Деревянные панели цвета мёда словно выросли из корней старого леса, а воздух пропитан лёгким ароматом роз и тёплого дерева. На стене висит картина, где белая змея нежно обвивает алую розу символ, который почему-то заставляет сердце сжаться. Рядом другое полотно: мистический лес, где горы растворяются в тумане, а небо пылает северным сиянием.

Слева от кровати широко распахнутое окно впускает внутрь комнаты свежий воздух и солнечные лучи, играющие на полу. Воздух наполняют ароматы роз.

Воспоминания возвращаются резко и болезненно. Отчётливо помню собственную смерть, ожидание перед воротами Чистилища, долгожданную встречу с Джию, богов, объявивших День Великого Благословения, и то напряжение, с которым я ждала своего жребия.

Я не хотела этого. Я хотела только одного остаться с сестрой.

Сердце как будто пляшет в бешеном танце: продолжаю внимательно изучать комнату, пытаюсь разгадать её тайны. Это место совсем не напоминает Чистилище. Скорее, здесь царит атмосфера настоящего райского уголка.

Горло сжимает тугий ком. Невольно прижимаю ладонь к груди, будто пытаюсь удержать внутри то, что рвётся наружу.

Я не просила этого проклятого благословения. Я хотела только одного снова почувствовать, как Джию обнимает меня, как когда-то в детстве. А вместо этого меня вырвали из её рук и бросили сюда. Одну.

Подхожу к окну, чтобы глотнуть свежего воздуха. Но дыхание перехватывает. Передо мной раскинулась зелёная долина, усыпанная кронами немыслимых цветов. За ней вздымаются красные горы, а над ними в небе танцует северное сияние зелёные, розовые и пурпурные волны. В воздухе парят целые острова, покрытые буйной растительностью. Всё это выглядит так нереально, будто кто-то вырвал кусок из чужой сказки и повесил прямо за окном.

Жребий выбрал меня. Я здесь. Но если я здесь одна, то где Джию? Шансы, что её судьба сложилась так же, бесконечно малы Нет. Я отказываюсь в это верить. Я не просила этого «благословения». Я хотела только одного остаться с сестрой. А меня оторвали от неё и бросили в этот чужой, сияющий мир. Я должна всё выяснить. Но, для начала, необходимо вернуться отсюда.

— Госпожа, вы проснулись? — звучит вежливый голос из-за дверей.

Госпожа? Это я?

— Госпожа, вы меня слышите? стук повторяется.

— Да-да, войдите, — отвечаю я.

В комнату входит загадочное существо. Шаги его абсолютно беззвучны будто оно плывёт над полом, а не ступает по нему. Голова напоминает змеиную или драконью: вытянутая морда, острые уши, направленные вверх. Янтарные глаза останавливаются на мне, и я чувствую, как взгляд проникает прямо в душу.

Тело покрыто гладкой, полупрозрачной чешуёй жемчужного оттенка, которая переливается на солнце. Серебристые волосы ниспадают по спине живыми струями и едва заметно

колышутся, хотя в комнате нет ветра. На голове сияет золотая диадема с древними символами, которые мягко пульсируют, словно дышат собственной жизнью.

Существо останавливается в нескольких шагах от меня. Теперь я ясно вижу его наряд традиционное кимоно глубокого синего цвета, расшитое золотыми созвездиями. Браслеты на чешуйчатых руках тихо звенят в такт моему сердцу.

— Соён-сан, — существо кланяется в не слишком глубоком поклоне, а меня уже, пожалуй, ничего не удивляет. — Приветствую вас, Избранная. Позвольте пояснить ситуацию подробнее. — обращается существо, не давая мне возможности вставить и слово. — Вас избрал жребий, величайший артефакт, сотворённый Матерью богов. Он выбирает души по собственному особому принципу и распределяет их под защиту младших богов. Ваше нынешнее местоположение — владения бога Минхо. Я исполняю обязанности сансон (*главный дворцовый евнух и личный помощник короля в эпоху Чосон; управлял всеми внутренними покоями, личными делами монарха, управлял всеми нэси, подчинялся только королю.*)

Существо умолкает и внимательно изучает меня взглядом. Смотря в ответ, чувствую, как от его рассказа возникло ещё больше вопросов:

Минхо? Что значит его покровительство? Какие испытания ожидают меня впереди? Где сейчас Джисю?

Смотрю на существо и чувствую, как внутри поднимается холодный напор.

— Кто вы?

— Сансон, — отвечает существо равнодушно, словно объясняющий очевидное младенцу.

— Это я поняла, — говорю я. — Но что вы за существо?

— Кагэдзо (*#### — «Теневые Змеи»*) — *раса мудрых и сдержанных существ с головой змеи или дракона, покрытых гладкой переливающейся чешуёй оттенков от белого до чёрного. Отличаются холодным расчётом, абсолютной преданностью и глубоким знанием*), — ответил он, чуть замешкавшись, будто мой вопрос был настолько очевиден, что требовал усилий, чтобы ответить всерьёз. — Вы, вероятно, даже не слышали о такой расе.

Поднимаю брови, поглядывая на незнакомое существо.

— Вы, люди, действительно мало знаете о других мирах, — слова звучат из его уст как безобидный факт.

— Своей реальности? А есть какие-то другие? — недоверчиво уточняю, хотя уже очевидно, что есть

— Безусловно, существует множество иных измерений, — уверяет кагэдзо.

Киваю, принимая новую реальность. Вопросов становится только больше:

— Много здесь представителей других миров?

— Довольно немало, служение богам считается великой честью.

— А вы тоже умерли? — любопытно спрашиваю я.

— Нет, — широко раскрывает глаза собеседник, но лицо так и остаётся каменным. —

До сих пор ещё жив.

— Ясно, — соглашаюсь я. — У вас есть имя?

— Райко, если пожелаете.

— Отлично, Райко, — перевожу разговор обратно к делу. — Что теперь? Где остальные Избранные? Кто такой Минхо? Чего ожидать дальше?

Сансон терпеливо выслушивает лавину вопросов.

— Вас здесь только двое, — наконец отвечает он. — Остальные вопросы лучше адресовать лично вашему новому господину, почтеннейшему Минхо.

Здесь нас всего двое? Какой шанс, что второй избранник это Джисю? Мне срочно нужно это узнать! Но как это сделать?

— Вскоре появится куннё (*общее название дворцовых служанок-чиновниц в королевском дворце эпохи Чосон. Они начинались с 5-го ранга и ниже, делились на старших (сангун) и младших (наин) и полностью подчинялись системе внутреннего женского двора*), — добавляет Райко. — Цукико, если вам так важно запоминать имена. Она станет вашей наин (*младшие дворцовые служанки в эпоху Чосон; личные помощницы королевы, наложниц и других членов королевской семьи, находились в подчинении у сангун*) на время пребывания в замке, принесёт платье и проводит в чайную, где состоится ваша первая встреча с повелителем.

Сансон высказывается снисходительно, но выражение его лица остаётся неподвижным, будто высеченным из камня. Похоже, он даже не замечает собственного высокомерия.

Этот Райко смотрит на меня так, словно я любопытный, но немного отсталый ребёнок. Интересно, все существа здесь считают людей ниже себя или это только его личная черта?

Не дожидаясь моего ответа, Райко выходит из комнаты. Невольно делаю шаг назад и упираюсь спиной в подоконник. Ладони становятся влажными. Медленно выдыхаю, пытаюсь унять дрожь в пальцах.

Этот кагэздо говорит так спокойно, будто для него всё происходящее обычное дело. А у меня внутри всё дрожит. Меня вырвали из Чистилища. Забрали в мир богов. И я даже не знаю, где сейчас моя сестра.

Ещё какое-то время стою у окна, погружённая в горькие мысли. Внезапно в комнату входит куннё. Замираю, не в силах отвести от неё взгляд.

Она словно сошла со страниц старой сказки. Белоснежная шёрстка переливается, будто выпитала свет тысячи звёзд. Огромные уши слегка подрагивают, улавливая даже моё дыхание, а янтарные глаза смотрят прямо и чуть насмешливо, словно она уже знает все мои тайны.

На ней тёмно-фиолетовый халат, расшитый золотом. Узоры змей и цветков сакуры искрятся, словно трепещут в невидимом потоке энергии. Золотистые подвески на поясе мелодично позвякивают. Широкие рукава колышутся, оставляя за собой след из сверкающей пыли. Волшебный свет окутывает всю её фигуру, превращая каждую деталь в живое произведение искусства.

Наин сгибается в поклоне и замирает, её взгляд устремлён на меня. Спустя мгновение она выпрямляется и произносит:

— Госпожа, я принесла вам платье.

— Ты кицуне? — это единственное, что могу произнести, замороженная её неземной красотой.

— Хи-хи! — раздаётся её звонкий смех, и она кокетливо прикрывает рот ладонью. — Никогда не слышала, — она снова смеётся, и этот звук гипнотизирует. — Я из расы хакуко ((# ## — «Белая Лиса») — *весёлые лисоподобные существа с пушистой шерстью разных цветов и даром иллюзий. Известны своей преданностью и кокетливым характером*).

— Хакуко... — повторяю, словно пробуя слово на вкус. — В моём мире есть легенды о лисах кицуне. Пожалуй, я бы приняла тебя за одну из них.

— Кицуне? — переспрашивает наин с искренним удивлением. — Никогда о таких не слышала. Они правда существуют в вашем мире?

— Теперь я готова в это поверить, хотя никогда не встречала их, только читала в сказках... А как тебя зовут?

— Цукико, если вам так важно знать имена.

— Ты уже вторая, кто мне это говорит, — не удерживаюсь от упрёка. — В вашем мире не принято обращаться друг к другу по имени?

— Хи-хи, — снова смеётся наин, прикрывая рот ладошкой. — Ваше общение с повелителем обещает быть весьма любопытным.

— Почему ты так думаешь?

— А... нет, не берите в голову, — отмахивается она. — Наши настоящие имена слишком сложны для человеческого слуха и произношения. К тому же в этом мире боги не обращаются к нам по именам.

— Но я не богиня, — возражаю я. — А между собой вы как обращаетесь?

— Мы это мы, — снова улыбается она, на этот раз с кокетливым лукавством.

Этот разговор заставляет меня осознать: в этом мире существует строгая иерархия между богами и остальными расами. Очевидно, что и среди существ из других измерений действуют свои законы, союзы и противоречия.

Любопытно, как эти существа на самом деле относятся к людям? Они называют меня «госпожой», кланяются, и формально я, кажется, занимаю более высокое положение в их иерархии. Но я не чувствую, чтобы они действительно считали меня равной себе. Напротив, у меня складывается ощущение, что всё это почтение лишь искусная маска, скрывающая их истинное отношение.

— Ваше платье, госпожа, — голос Цукико выводит меня из задумчивости.

И только сейчас впервые замечаю наряд в её руках.

Как я могла не обратить на него внимания раньше?

Это платье настоящее произведение искусства, словно сотканное из звёзд и лунного света. Верх выполнен из тончайшей белой ткани, напоминающей облака, что плывут над горными вершинами. Каждый камень на нём окружён нитями жемчуга, похожими на россыпь утренней росы.

— Оно восхитительно, — выдыхаю я.

— Привыкайте, — с кокетливой улыбкой отвечает куннё. — Теперь вы под покровительством самого изысканного из Младших богов. Придётся соответствовать.

Цукико помогает мне облачиться в платье. Наряд сидит на мне безупречно, словно был создан специально для моей фигуры, подчёркивая каждый изгиб.

Возле противоположной стены стоит изящная тумба с зеркалом. Подхожу ближе и всматриваюсь в своё отражение.

Платье сидит идеально. Открытые плечи подчёркивают линию шеи, рубиновый вырез сверкает, словно свежие капли крови. Длинные рукава струятся прозрачным шёлком, точно крылья феникса, а жемчужные нити на манжетах тихо позванивают при каждом движении. Широкая алая юбка пышно охватывает фигуру, и каждый шаг отзывается мелодичным звоном серебряных цепочек. Это не просто наряд. Это символ власти и тихой, опасной магии.

Очевидно, что господин Минхёк не знает скромности. Он, вероятно, честолюбив, раскрепощён, и явно наслаждался демонстрацией своей власти и силы.

— Садитесь, я помогу с причёской, — наин указывает на пуф возле тумбы.

Послушно опускаюсь на сиденье. Цукико не делает ничего особенного просто расчёсывает мои волосы, но они становятся гладкими и шелковистыми. При каждом дуновении ветра из открытого окна пряди красиво разлетаются, а затем вновь укладываются в идеально ровную причёску.

— Это какая-то магия? — удивляюсь я.

— Ага, магия кицуне, — хихикает наин.

— Все существа в этом мире владеют магией?

— В той или иной степени, — пожимает плечами псевдо кицунэ.

Она окидывает меня критическим взглядом:

— Вы, однозначно, выглядите идеально. Пойду сообщу сансон, что всё готово. Вскоре я вернусь за вами, чтобы вы могли пройти в чайную, где вас будет ожидать Великий господин Минхо.

Цукико выходит из комнаты. Вскоре я увижу этого Великого господина Минхо.

Хм, это любопытно. Когда речь заходит об этом боге, я улавливаю в словах его слуг неподдельное уважение и почтение. Что же это за божество такое, о котором в моём мире никто не знает, но при этом он обладает столь явной силой, что смог забрать меня в свои владения? Почему же тогда я никогда о нём не слышала?

Так погружаюсь в свои мысли, что не замечаю, как дверь снова отворяется.

— Великий господин Минхёк готов принять вас в своём чайном павильоне, следуйте за мной, госпожа, — произносит Цукико.

Не дожидаясь ответа, она разворачивается и выходит из комнаты. Следую за ней в коридор, стены и пол которого отделаны гладким, дорогим деревом. Напротив моей спальни виднеется ещё одна дверь.

— Что за ней? — спрашиваю я.

— Моя спальня, — отвечает наин. — Если я вам понадобится, вы всегда сможете найти меня там.

Киваю, и мы сворачиваем налево. Проходим узкую деревянную лестницу, украшенную орнаментом из роз и змей этот мотив явно господствует во всём дворце. Затем поворачиваем направо. Стены коридора покрыты росписями, повествующими о какой-то неизвестной мне легенде.

Мы минуем ещё одну лестницу уже каменную, с теми же плитами змеи и розы. Ещё один поворот направо и мы выходим во внутренний двор.

В центре благоухающего сада роз возвышается статуя белоснежной змеи, обвивающей огромный алый цветок. Её чешуя мерцает, ловя свет далёких звёзд, а глаза будто следят за каждым, кто ступает по мраморной дорожке.

За стенами дворца среди облаков парят загадочные острова, покрытые пышной зеленью и яркими цветами. Небо переливается всеми оттенками заката и северного сияния, словно бесконечный космический танец.

Мы проходим в самый конец двора. Там стоит великолепный чайный павильон. Вхожу и сразу вижу ЕГО. Минхо. Сердце пропускает удар. Бог сидит за низким тёмным столом на мягких алых и кремовых подушках. От него исходит тихая, но ощутимая мощь словно сама гроза решила принять человеческий облик. У меня невольно напрягаются плечи. Не могу отвести взгляд, хотя каждая клетка тела кричит: «Осторожно».

Я не хотела этой встречи. Я не хотела стоять перед богом, который теперь будет решать мою судьбу.

Глубокого чёрного оттенка волосы слегка растрёпаны и падают на лоб, обрамляя точёные корейские черты: высокие скулы, острый разрез глаз и уверенную линию губ. В его взгляде смесь древней силы и дерзости.

На нём роскошное алое одеяние из тяжёлого бархата с белоснежным мехом на воротнике и манжетах. По рукавам выются серебряные змеи, словно живые. Золотые цепочки поблёскивают на груди.

Он выглядит одновременно как древний бог и как человек из плоти и крови, полный скрытой энергии и опасной красоты. Всё ещё не могу отвести от него глаз.

Минхо отрывает губы от фарфоровой чашки с розами, поднимает на меня взгляд и уголок его губ приподнимается. От одного его взгляда по спине пробегает холодок. Он смотрит на меня так, будто уже знает все мои мысли, все мои страхи.

Я не хотела этой встречи. Я не хотела этого «благословения». Но теперь я стою перед ним, и отступить уже поздно.

Рядом с Минхо на коленях сидит странное человекоподобное существо. Глубокого смоляного цвета волосы собраны в сложную величественную причёску, увенчанную высоким золотым головным убором с жемчугом, самоцветами и длинным пером.

Лицо завораживает и пугает одновременно: тонкие тёмные узоры покрывают лоб, скулы и шею, словно ритуальные татуировки. Тёмные глаза с густыми стрелками смотрят пронизывающе, губы насыщенного винно-бордового оттенка. Уши заострены, а вместо ногтей длинные чёрные хищные когти.

Она почтительно склоняет голову и подливает Минхо чай. Кожа рук тоже покрыта теми же узорами. Многослойное одеяние в тёмно-зелёных и фиолетовых тонах с богатой вышивкой.

Она выглядит как древний дух, в котором слились красота и опасность, тень и свет.

— Ну, наконец-то, — недовольно говорит существо, глядя мне за плечо.

Оборачиваюсь. За спиной стоит женщина лет тридцати пяти-сорока. Её зрелая красота безупречна: точёные черты лица, длинные волнистые волосы цвета тёмного шоколада и лёгкая, многозначительная улыбка, которая обещает многое и ничего одновременно.

Перед ней стоит её наин. Волосы цвета ночного шёлка уложены в высокую строгую причёску, из которой поднимаются два тонких белоснежных рога. Уши удлинённые, заострённые, с золотыми подвесками. Лицо бледное, с чистыми линиями, большие миндалевидные глаза смотрят спокойно и отстранённо.

Уже почти не удивляюсь разнообразию существ в этом мире.

— Госпожа Соха прибыла в ваше распоряжение, — торопливо проговаривает существо и склоняется в глубоком почтительном поклоне.

Женщина проходит вперёд, шурша платьем, достойным богини-соблазнительницы. Алый корсет плотно облегает фигуру, подчёркивая каждый изгиб. Поверх него невесомая белоснежная накидка из полупрозрачной ткани, расшитая золотыми узорами, что переливаются звёздной пылью. Широкие рукава мягко колышутся при каждом шаге, а длинный подол, переходящий из белого в насыщенный красный, стелется по полу.

Вся её поза тихое, уверенное обещание: она точно знает, чего хочет, и как это получить.

— Почти вовремя, — существо, сидящее возле Минхо, недовольно поджимает губы и встаёт со своего места. — Приветствую вас, дамы, во дворце Великого господина Минхо, — она окидывает нас строгим, придирчивым взглядом, в котором нет и намёка на снисхождение. — Я госпожа Ханъён, сангу (*высшая должность среди дворцовых служанок-куннё в эпоху Чосон; управляла всей женской половиной королевского дворца, подчинялась только королю, королеве и сансон*) достопочтенного господина Минхо. В этом дворце для вас я — второе лицо после самого хозяина. Все вопросы, приказы, просьбы и даже малейшие пожелания решаются исключительно через меня. Неповиновение, промедление или любое нарушение установленного порядка будут расценены как прямое оскорбление Великого господина и повлекут за собой самые строгие последствия. Запомните это хорошенько, если хотите остаться здесь в милости.

— Довольно, — прерывает её речь Минхо. Он вальяжно облокачивается локтем на подушки. Тембр его голоса плавный, тягучий и мурлыкающий, точно у довольного кота, будто затягивает в опасный, тёплый омут. Он смотрит прямо, не отрывая взгляда. Медленно, почти лениво изучает каждый изгиб моего тела. — Запугаешь наших гостей, и они умчатся прямым обратном в Чистилище.

— А так можно? — слова вылетают быстрее, чем успеваю подумать, стоит ли их произносить.

В глазах Минхо вспыхивает непонятный огонёк, но гаснет быстрее, чем успеваю распознать, что это за эмоция.

— Нет, нельзя, — с лукавой ухмылкой отвечает он. — Вам оказана великая честь. Кто в здравом уме откажется от неё?

Вопрос явно риторический бог и не ждёт от меня ответа. Чувствую, как внутри поднимается холодный напор. У меня возникает острое желание стереть эту довольную кошачью гримасу с его лица.

Я не хотела этой чести. Я хотела только сестру. Но открыто сказать это не могу. Пока.

— Как вы уже поняли, я Минхо, — говорит он низким, тянущимся голосом, и уголок его губ медленно приподнимается. — Без всех этих скучных «великих» и «мудрейших». Хотя иногда они бывают полезны.

Он встаёт почти вплотную между мной и Сохой.

Ворот его одежды распахнут, шею и верх груди открыты. По коже тёмными, изящными узорами выются татуировки — сложные переплетения древних рун и цветочных мотивов, которые кажутся почти живыми. Они плавно стекают по ключицам и исчезают под тканью, словно частью его самого.

Бог пристально оглядывает меня. Невольно сглатываю, на мгновение переставая дышать. Затем он переводит взгляд на Соху. Женщина тоже замирает неподвижно. Бог улыбается, явно довольный произведённым эффектом, разворачивается к нам спиной и продолжает, медленно шагая в глубь павильона:

— Всё же, если вы любите формальности, называйте меня Минхо-сан, — он разворачивается к нам лицом и пристально смотрит на нас. От этого взгляда по коже проходит лёгкая дрожь. — Соха, Соён, приветствую вас в своём дворце и объявляю себя вашим покровителем. Отныне вы под моей защитой. Пока я готов делить с вами кров и стол, ни одно существо в этом и иных мирах, посягнувшее на вашу неприкосновенность без вашего на то согласия, не уйдёт от меня безнаказанным. Я обязуюсь быть вашим наставником и проводником по миру богов.

Когда бог закончил фразу, небо разразилось громом, и сверкнула короткая молния. Уголок его губ приподнимается

— Принято, — он хлопает в ладоши и мелодично смеётся. — Не желаете испить со мной чая? — жестом указал на подушки, раскиданные вокруг стола. Вопрос явно не подразумевал отказа.

Мы сели на колени в позу, точно такую же, в которой недавно сидела Ханъён.

— Ты можешь идти, — Минхо смотрит на сангу. — Твоё обучение начнётся завтра, а пока я потерплю их невежество, на этих словах вновь раздаётся его низкий, бархатно-мурлыкающий смех, от которого покалывает кожу то ли от напряжения, то ли от чего-то пока ещё непонятного мне.

Управляющая безропотно сгибается в глубоком, безупречном поклоне и медленно пятится из павильона, словно тень, растворяющаяся в полумраке. Лишь когда она исчезает, наконец позволяю себе по-настоящему оглядеться.

Высокие красные колонны, покрытые блестящим лаком, мерцают так, будто их только что омыл дождь. Они держат потолок легко и величественно, словно древние сосны, которые веками поддерживают небо над горными храмами. Мраморный пол под коленями гладкий и почти живой в его глубине отражаются тёплые огоньки подвесных фонарей и мои собственные широко раскрытые глаза, полные тихого изумления.

На столе всё ещё стоит тот же чайный сервиз. От чайника поднимается тонкая, упрямая струйка пара, пахнущая свежим зелёным чаем и чем-то сладко-горьким, словно далёкое, полузабытое воспоминание. Странно ведь прошло уже достаточно времени, чтобы чай давно остыл.

Слева возвышается деревянная ширма. Красные розы на ней нарисованы так живо, что кажется протяни руку, и пальцы уколут настоящие шипы. Сквозь ажурные красные окна с тонкими решётками просачивается мягкий, рассеянный закатный свет, окрашивая воздух в тёплые, почти сказочные тона.

А слева от меня огромный проём в форме облака, занимающий почти всю стену. Он распахнут настежь, и оттуда лениво втекает ветерок, несущий густой аромат роз и влажной земли.

— Я так понимаю, в ваших краях не учат подавать чай мужчинам, — божество усмехается едва заметно и протягивает руки к чайнику.

— О, позвольте, — тут же отзывается Соха, хватая чайник раньше хозяина и грациозно разливая нам чай. Её движения безупречны.

— О, не стоило, если это претит вашим принципам, — наиграно любезничает Минхо.

— Что вы, рада услужить, — в тон ему отвечает женщина, и в её голосе скользит приторная сладость. — Не каждому выдаётся честь угодить божеству.

Чувствую, как внутри поднимается знакомый холодный напор. Терпеть не могу, когда кто-то начинает играть в эти сладкие игры. Поэтому говорю прямо, не дожидаясь удобного момента:

— Если позволите, — говорю ровным голосом. — Я хотела бы знать, кто вы. В моём мире о вас не было известно.

В глазах Минхо мелькает и быстро гаснет тот же странный огонёк, что я уже замечала раньше. Злость? Азарт? Презрение? Разобрать не успеваю.

— Нетерпеливая, значит, — на его лице появляется опасная полуулыбка, и в этой улыбке проскальзывает что-то хищное. — Ну что ж, хорошо. Я бог хитрости, обмана, стратегии, интеллектуальных игр, человеческих страстей, желаний, амбиций и прочих сильных эмоций. А не слышали вы обо мне потому, что моя достопочтенная матушка Жизнь не так давно хотя по вашим людским меркам очень давно решила, что вы, смертные, вполне справитесь сами. Мы же, младшие боги, должны просто наблюдать и вести вас скрыто аки неразумных детей.

— Почему же она так решила? — продолжаю, не собираясь упускать момент. Раз уж божество отвечает, грех не воспользоваться такой возможностью.

— Хм, — Минхо издаёт низкий, почти опасный звук, больше похожий на рычание, чем на смешок. Его губы кривятся в острой, не предвещающей ничего хорошего ухмылке. — Ибо не могли вы самостоятельно делать выбор, куда знали, что вас ведёт божественная рука. Ещё есть вопросы или на этом всё? его тон становится почти угрожающим, хотя на лице по-прежнему играет довольная, ленивая улыбка.

Молчу всего секунду.

— Вообще-то вопросов у меня действительно много.

Я что бессмертная? Откуда во мне вдруг столько дерзости? Или это его взгляд и эта кошачья улыбка будят во мне что-то давно забытое? Как далеко я могу зайти? Того, кто уже умер, можно убить снова? И что он, в конце концов, способен со мной сделать? Хочу ли я это узнать?

— Но я оставлю их на потом, — произношу наконец, сглатывая. Голос звучит ровнее, чем ожидала. — Вы ведь наверняка собрали нас здесь не просто ради чаепития.

Минхо ничего не отвечает. Ухмылка так и не сходит с его лица. Он неспешно отхлёбывает чай из чашки, и на секунду в его глазах снова вспыхивает та самая острая, почти дьявольская искра.

— Что ж, — продолжает он как ни в чём не бывало. — Вы здесь не просто так. Жребий выбрал вас под моё покровительство. Как вы уже, наверное, поняли, это значит, что отныне вы под моей защитой. Ближайший год по меркам этого мира вы будете делить со мной кров и стол, узнавать этот мир, его правила и обычаи, учиться существовать в новой для вас реальности. Обучать вас будет в основном Ханьён, иногда я, иногда Райко. Вы будете представлены другим Младшим богам. А через год предстанете и перед Старшими, где решится ваша дальнейшая судьба. Недостойные будут отсеяны. Останутся лишь те, кто окажется достоин продолжить обучение.

— Что значит «отсеяны»? — в страхе выдыхает Соха.

Глаза Минхо лишь холодно сверкают недобрым, зловещим огнём. Но наигранная маска дружелюбия так и не сходит с его лица. Он не отвечает, медленно отпивая из чашки.

— Что за обучение будет через год? — решаю уточнить.

— Знаешь, это может и наскучить, — Минхо медленно ставит чашку на стол. Улыбка постепенно сползает с его лица, оставляя только холодную, ровную маску. — Ваше обучение начнётся завтра.

Бог встаёт. Движение его плавное, почти бесшумное, словно сама ночь расступается перед ним. Он не произносит ни слова просто кивает мне едва заметно и медленно выходит во двор, удаляясь от павильона. Красный силуэт его мантии ещё несколько мгновений мерцает в свете фонарей, а потом растворяется в сумраке.

На небо уже сгущается сумрак. Постепенно ночь вступает в свои права, мягко, но неотвратно. За дворцом раскинулись красные горы, а над ними небо, которое кипит зелёными и алыми туманностями. В темноте они кажутся ещё ярче, живыми, словно сама Вселенная решила заглянуть сюда на чай и теперь смотрит на нас сверху вниз с лёгким любопытством.

Остаюсь стоять на пороге павильона. Ветерок приносит густой, сладковатый аромат вечерних роз тот самый, что всегда напоминал мне о Джию. Она любила ставить свежие розы в вазу у окна, говорила, что их запах помогает думать ясно даже в самые тяжёлые дни.

Этот бог Благословение ли его покровительство или скорее проклятие? Не превращусь ли я в птицу, трепещущую в лапах хищного зверя? Насколько он всемогущ в этом мире? Где заканчивается его власть? Можно ли отыскать от него защиту? И где сейчас Джию?

Последняя мысль острой иглой впивается в грудь. Невольно обхватываю себя руками за плечи, словно пытаюсь удержать то, что внутри вот-вот разорвётся. Чуть дальше, в полумраке павильона, молча наблюдает Соха. Ночь опускается всё ниже, и вместе с ней в груди медленно просыпается страх глубокий, тягучий, как вечерний туман в горах.

Джию Где ты сейчас?

Глава 3. Донхон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.